

Место орлиноклювской культуры в неолите Приморья и Нижнего Приамурья

Резюме. В статье излагается опыт построения локальной колонной секвенции археологических культур в долине р. Иман (Северное Приморье) на основе применения системной стратегии априорно-интуитивного выделения археологических культур Л. С. Клейна (1991: 230–247). Предварительная абсолютная хронология культур построена на основе результатов радиоуглеродного датирования 30 проб древесных углей из многослойных археологических памятников Орлиный Ключ, Алмазинка, Дальний Кут-15 и Шивелазы. Колонная секвенция, разработка которой далека от завершения, в настоящее время имеет следующий вид: орлиноклювская (6370–5750 гг. до н. э.) и шивелазская (4500–3500 гг. до н. э.) средне-неолитические АК, иманская (2850–1780 гг. до н. э.) и алмазинская (2570–1520 гг. до н. э.) поздне-неолитические АК, дальнекутская палеометаллическая АК (900–400 гг. до н. э.). Процедура априорно-интуитивного выделения АК и археологических типов сосудов более детально рассмотрена на примере орлиноклювской культуры, выделенной по одному археологическому памятнику (неолитическое поселение Орлиный Ключ).

Ключевые слова: Северное Приморье, неолит, априорно-интуитивное выделение археологических культур, локальная колонная секвенция, орлиноклювская культура.

Введение

Почти четверть века назад петербургский археолог-теоретик Л. С. Клейн обосновал системную стратегию априорно-интуитивного выделения археологических культур и построения локальных колонных секвенций. Суть подхода заключается в идее нисхождения: от системы к подсистемам и элементам, от

Lynsha V. A., Tarasenko V. N. Place of the Orliny Klyuv culture in the Neolithic of Primorye and the Lower Amur region.

The paper shares the experience of working out a local sequence of archaeological cultures in the Iman river valley (Northern Primorye). The authors use the systemic strategy (*a priori*-intuitive approach) proposed by L. S. Klejn (1991: 230–247). The chronology is based on 30 absolute dates obtained on charcoals from the multilayered sites of Orliny Klyuch, Almazinka, Dalniy Kut-15, and Shivelaza. For the time being the local sequence of archaeological cultures looks as follows: Orliny Klyuv (6370–5750 years BC) and Shivelaza (4500–3500 years BC) Middle Neolithic cultures, Iman (2850–1780 years BC) and Almazinka (2570–1520 years BC) Late Neolithic cultures, Dalniy Kut culture (900–400 years BC) of the Early Metal Period. The procedure of the *a priori*-intuitive identification of archaeological cultures and pottery types is exemplified by the analysis of the Orliny Klyuv culture, represented by a single site (Neolithic settlement of Orliny Klyuch).

Keywords: Northern Primorye, Neolithic, *a priori*-intuitive identification of archaeological cultures, local cultural sequence, Orliny Klyuv culture.

интуитивно схваченной культуры к культурно значимым типам, от типов к культурно значимым признакам (Клейн 1991: 230–147). Несмотря на очевидные достоинства, эта стратегия до сих пор не пользуется сколь-нибудь широким признанием. В археологии Приморья первым попытался применить эту стратегию В. А. Лынша (Лынша 2002; 2003; Лынша и др. 2011; Lynsha 2012). Острая полемика, возникшая на круглом столе во Владивостоке в ноябре 2013 г. вокруг доклада В. А. Лынши, в котором была представлена локальная колонная секвенция археологических культур в долине р. Иман (Северное Приморье), свидетельствует о том, что эта стратегия до сих пор вызывает у археологов-практиков подозрения в неправомерности.

Собственно говоря, сам подход или его обоснование не обсуждались. Критике подверглись результаты его применения, что косвенно бросает тень и на сам подход. Важно отметить, что и сама последовательность выявленных археологических культур (АК) в локальной колонной секвенции (орлиноклювская — шивелазская — иманская — алмазинская — дальнекутская), в общем-то, не вызвала особых возражений. Но таксономический ранг подразделений в секвенции вызвал острое неприятие. Участники дискуссии отказывались признать за выделенными подразделениями ранг самостоятельных АК. Так, например, И. Я. Шевкомуд предлагал обратить самое пристальное внимание на район Нижнего Приамурья на севере. По его мнению, орлиноклювская АК — это кондонская АК в Приамурье, иманская АК есть не что иное, как вознесенская АК в Приамурье, а шивелазская АК — это, вероятно, ранний этап малышевской АК. О. Л. Морева, наоборот, предлагала обратить внимание на Южное Приморье, подчеркивая, что шивелазская АК — это не что иное, как бойсманская АК. О. Л. Морева также считала, что противопоставлять орлиноклювскую АК руднинской АК неправомерно, так как речь идет о той же самой культуре. Кроме того, у О. Л. Моревой серьезные подозрения вызвали слишком ранние даты для орлиноклювской культуры (7210 ± 120 л. н., 7120 ± 90 л. н.). Эта керамика, по ее мнению, не может быть древнее первого этапа бойсманской АК, поскольку на поселении Бойсмана 2 на этом этапе присутствует и керамика веткинского типа, однотипная с орлиноклювской. А керамика веткинского типа имеет радиоуглеродные даты от 6635 ± 60 до 6155 ± 85 л. н. (см.: Батаршев и др. 2010: 129).

О. В. Яншина обратила внимание на то, что докладчик мог бы избежать острой дискуссии, если бы вместо понятия АК использовал только понятие «тип керамики». Можно не сомневаться, что докладчик избежал бы острой дискуссии и в том случае, если бы понизил таксономический ранг выделенных им единиц с уровня АК до уровня локальных вариантов АК. Проявив тактическую гибкость, можно было бы говорить, например, об иманском варианте вознесенской культуры, или о шивелазском варианте бойсманской культуры, не провоцируя оппонентов на излишне острую полемику. Однако такой компромисс несовместим с принципами системной стратегии. Кроме того, в извечном споре «дробителей» и «в-кучу-сгребателей» о том, чему придавать большее значение при выделении АК и археологических типов — сходствам или различиям (Клейн 1990: 94, 95, 197–202), докладчик разделяет точку зрения Л. С. Клейна — лучше дробить. Л. С. Клейн утверждает, что «дробное изучение правомернее, чем обобщенное, ибо если есть различия, то они будут зафиксированы, если нет — всё будет обобщено». Ущерб в этом случае не будет.

«А вот когда сразу берется смазь, то она такой и останется, и детали уже не вывяжутся», — заявляет Л. С. Клейн (2012: 290).

Странно, что во время дискуссии не был поднят вопрос о правомерности выделения орлиноклювской культуры всего по одному памятнику. Принято считать, что для обоснованного выделения АК необходимо иметь в наличии некое достаточное количество памятников, обладающих сходствами в культуре. Правда, никто не знает, какое именно количество памятников следует считать достаточным. С точки зрения системной стратегии Клейна, даже по одному памятнику можно и нужно выделять АК. Правом на выделение будет служить его отличие от всех других памятников (Клейн 1991: 199). Это как раз наш случай, поскольку орлиноклювская культура была выделена по материалам всего одного памятника Орлиный Ключ. К сожалению, материалы Орлиного Ключа до сих пор были представлены в наших публикациях очень скудно. Без достаточной информации о стратиграфии, планиграфии и комплексе артефактов Орлиного Ключа наши оппоненты не имели возможности составить целостное представление о памятнике и обосновывать свои возражения основательно. Представить материалы Орлиного Ключа настолько репрезентативно, насколько позволяют ограничения по объему — одна из важных задач этой статьи, наряду с обоснованием места средненеолитического комплекса Орлиного Ключа в колонной секвенции Приморья и Нижнего Приамурья.

Источниковая база исследования

За 20 лет исследований в долине р. Иман (Большая Уссурка) раскопки разного масштаба были осуществлены на 10 археологических памятниках. На р. Иман — шесть памятников (сверху вниз по реке): Мельничное-1 (9 м²), Далёкая-1 (Фынзыгоу) (9 м²), Орлиный Ключ (33 м²), Дальний Кут-15 (36 м² — раскопки В. А. Лынши, 48 м² — раскопки Н. А. Ключева), Шивелаза (79 м²), Роцино-6 (20 м²). На р. Арму (правый приток Имана) — два памятника: Алмазинка (89 м²) и Микула (6 м²). На р. Татибе (Дальняя, правый приток Имана) — два памятника: Талингуза (6 м²) и Чимчигуза (15 м²).

На всех памятниках применялась единая стандартная методика раскопок.

Описание местоположения, геоморфологии, стратиграфии памятников и артефактов можно найти в серии небольших публикаций (Ключев, Гарковик 2002; Лынша, Жущиховская 1996; Лынша 2002; Лынша и др. 2011; Тарасенко 2007; Бурдонов 2007; Шаповалов 2009; Lynsha 2012).

Геоморфология и стратиграфия. Поселение Орлиный Ключ находится на правом берегу р. Иман (приток р. Уссури), в устье ключа Орлиный Ключ, в 6 км вниз по течению от пос. Мельничное. Геоморфологическая ситуация и стратиграфия поселения типична для многослойных поселений с жилищами в долине Имана. Памятник расположен на 18-метровом террасовидном уступе цокольного строения (рис. 1). Стратиграфический разрез с наиболее полным набором литологических слоев был получен на ограниченном участке раскопа — восточная стенка квадратов В1–В3. Только на западной стенке квадратов А'1–А'4 и южной стенке квадратов А'4–С4 были выявлены стенки котлована полуземляночного жилища (рис. 2). Стратиграфия на разных участках раскопа меняется: литологические слои варьируют по мощности и четкости проявления в разрезах, иногда вовсе исчезают.

Рис. 1. Орлиный Ключ. Фотография места расположения памятника.

Fig. 1. Orlinyi Klyuch. Photograph of the site location.

Описание разреза дается по упомянутой восточной стенке со ссылкой на чертежи разрезов жилища (рис. 2). Разрез имеет следующий вид: 1) дерн, покрытый мхом — 10–12 см; 2) буровато-серая супесь с дресвой и мелким щебнем, включает черепки раннего железного века — 10–15 см; 3) красновато-бурая супесь с дресвой, мелким щебнем, керамикой дальнекутского типа и редкими фрагментами керамики алмазинского типа (в разрезе на рис. 2 этот слой отсутствует) — 15–20 см; 4) буровато-желтая супесь с керамикой алмазинского типа по всей толще (на рис. 2 соответствует сл. 3); в кв. С1–С2 в подошве слоя очажное пятно с концентрацией черепков алмазинского типа; в нижней части слоя встречаются черепки, близкие к руднинскому, или позднекондонскому типу — 15–25 см; 5) серовато-белый суглинок с дресвой и мелким щебнем, в нижней части окрашен углем, с концентрацией черепков орлиноклювской культуры в нижней части слоя, на глубине 70–85 см от дневной поверхности (на рис. 2 соответствует нижней части сл. 4 и слою 5 — 35–40 см; 6) щебень и грубообломочная порода.

Серовато-белый суглинок с дресвой и щебнем заполняет котлован жилища, достигая мощности 40–45 см. За пределами жилища мощность этого слоя не превышает 10–15 см, часто достигая всего 5 см. В центральной части жилища, в кв. А2–А4, В2–В4, выявлены важные детали стратиграфии. В верхней части серовато-белого суглинка, на глубине 50–60 см от поверхности, встречается

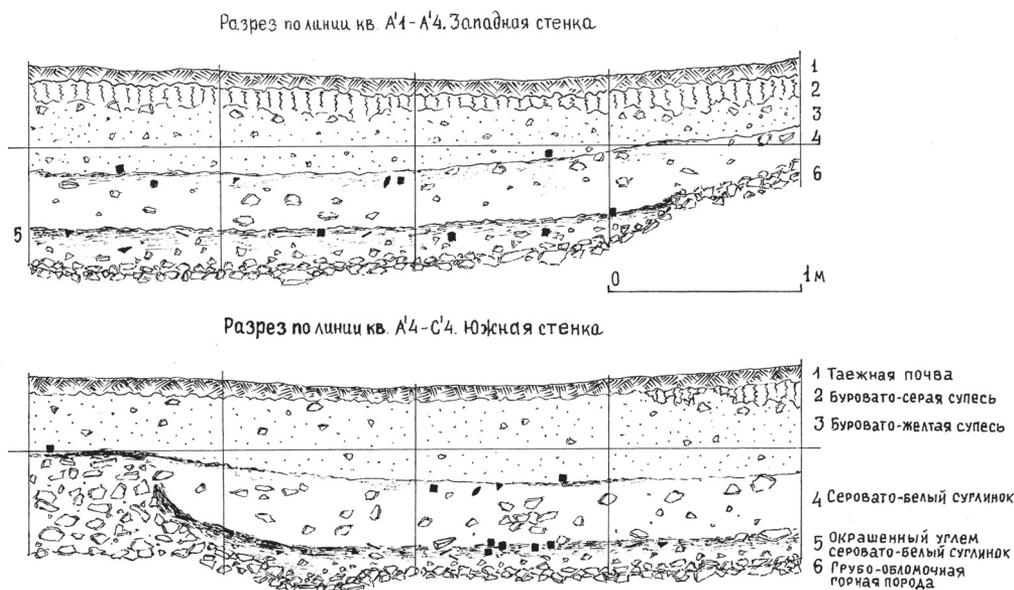

Рис. 2. Орлиный Ключ. Жилище. Стратиграфические разрезы.

Fig. 2. Orlyniy Klyuch, western and southern stratigraphic profiles of the dwelling,

керамика раннеалмазинского типа с прокатом вертикального зигзага зубчатым колесиком (25 фрагментов), древняя керамика с ракушкой (46 фрагментов), керамика орлиноклювского и позднеруднинского типов (77 фрагментов). Затем следует стерильный прослой мощностью 5–7 см, иногда до 10 см, который постепенно исчезает по мере удаления от центра жилища. Комплекс изделий из кремня и неолитической керамики сосредоточен в нижней части слоя, на глубине 65–85 см, изредка до 90 см, от дневной поверхности. Поскольку при разборке слоя серовато-белого суглинка довольно четко выделялся окрашенный углем прослой, этот уровень был обозначен как слой 4б (затем переименован в слой 5) и разбирался отдельно. В кровле этого прослоя на глубине 70 см от дневной поверхности (в кв. А3) залегал крупный фрагмент венчика сосуда с отощителем из ракушки, похожий на керамику шивелазского типа. Мелкие фрагменты керамики с ракушкой встречались и в других квадратах на этом уровне (всего 70 фрагментов). Предполагалось, что до этого уровня жилище частично нарушено более поздними обитателями, а ниже комплекс не нарушен. Однако еще в ходе разборки слоя выяснилось, что и в нижней части слоя 4, по крайней мере, на основной площадке жилища, существенных нарушений не фиксируется, за исключением кв. А3. По всему котловану жилища компактно залегающие развалы индивидуальных сосудов (легко различимые по орнаменту, структуре и цвету черепков) из подошвы слоя 4 непосредственно переходят в слой 5, располагаясь в его средне-верхней части. Количественные подсчеты, сделанные для каждого индивидуального сосуда отдельно, по-

казали, что от 65 до 72 % их черепков, включая донышки, залегает в слое 5, а от 28 до 35 % — в слое 4.

Особенности стратиграфического положения керамики в жилище коррелируют с положением каменных изделий. Так, например, из шести найденных одно-сторонне-выпуклых тесел и долот, четыре залегали в слое 5, а два — в подошве слоя 4. Еще одно тесло, уплощенно-овальное в сечении, было обнаружено в кровле слоя 4 и, следовательно, с жилищем не связано. С учетом сказанного было принято решение рассматривать весь комплекс артефактов из нижней части слоя 4 и из слоя 5 как единый полузамкнутый комплекс жилища.

Жилище. Признаки полуземляночного жилища (или, предположительно, нескольких жилищ, наложенных друг на друга) фиксировались еще до начала раскопок по наличию впадины на дневной поверхности и характерному кольцу выброса грунта на ее окраинах. В ходе раскопок, однако, удалось выявить только одно жилище, заплечики которого были зафиксированы в стратиграфических разрезах по стенкам раскопа (рис. 2). Четко выявить контуры жилища в плане не удалось. Стенки котлована жилища прослежены только в стратиграфических разрезах жилища в кв. А' 1, С1 и С4 (рис. 2 и 3). Контуры жилища в плане выявлены по концентрации артефактов, поскольку за пределами котлована жилища нет археологических находок на этой глубине от дневной поверхности. Размеры жилища приблизительно 5 × 4,5 м. Вход в жилище располагался с северной стороны. У входа, в кв. А1, обнаружена единственная ямка от столба диаметром 18 см. Южная стенка жилища выходила на обрыв скалы.

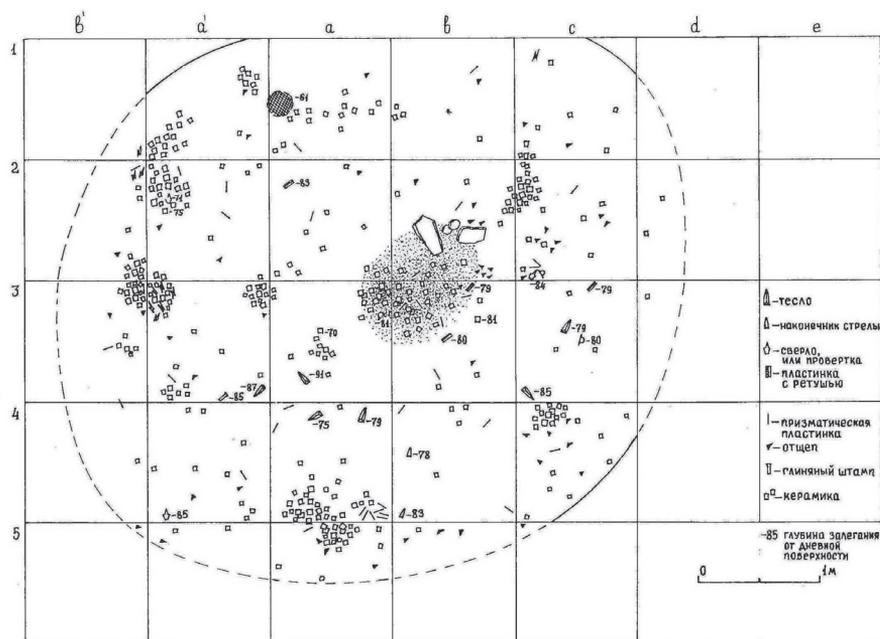

Рис. 3. Орлиный Ключ. Слой 5. План жилища.

Fig. 3. Orlyiny Klyuch, layer 5, plan of the dwelling.

В центре жилища располагался очаг овальной формы 115 × 75 см. В очаге найден фрагмент обожженной костяной обоймы для кремневых вкладышей. Все найденные тесла, наконечники стрел и большинство призматических пластин располагались в юго-восточной части жилища (рис. 3). Развалы крупных сосудов со следами нагара от приготовления пищи располагались в квадратах А'1–В'2 (рис. 4: 1), А'2 (рис. 4: 2), А4–А5 (рис. 5: 1), С4 (рис. 5: 2); развалы средних сосудов без следов нагара — в кв. А'3 (рис. 6: 1) и кв. С2 (рис. 6: 2); две чашки для питья — в кв. С2 и С4 (рис. 7: 4).

Уверенно судить о форме жилища в плане невозможно. Есть интуитивное ощущение, что жилище могло иметь подпрямоугольную форму с закругленными углами. Но форма жилища в плане могла быть и округлой. По пробам углей, взятых на полу жилища в разных квадратах слоя 5, получены три радиоуглеродные даты: кв. В2 — 7120 ± 90 л. н. (СОАН-7186), кв. А4 — 7090 ± 95 л. н. (СОАН-8127) и кв. С3 — 7210 ± 120 л. н. (СОАН-8128).

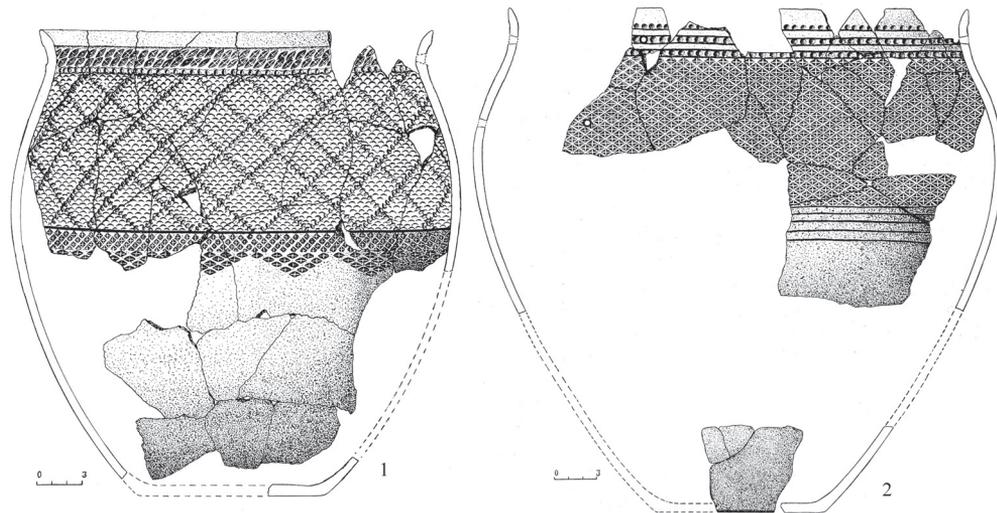

Рис. 4. Орлиный Ключ. Слой 5. Керамика орлиноклювского типа.

Fig. 4. Orlinyi Klyuch, layer 5, pottery of the Orlinyi Klyuv type.

Изделия из камня. Коллекция каменных изделий из жилища насчитывает 434 предмета. На отходы производства, представленные сколами и отщепами различной величины (в основном средними и мелкими) и одним сколом оживления площадки призматического нуклеуса правильной огранки, приходится 314 предметов. На каменные инструменты, их обломки и заготовки приходится 120 предметов (28,8 %). Сюда включены 25 призматических пластинок и 26 их обломков, а также семь микропластин. Из призматических пластинок изготовлены следующие орудия: четыре иволистных наконечника стрел с вогнутым основанием (рис. 8: 6), два острия даурского типа (рис. 8: 7) и два их обломка,

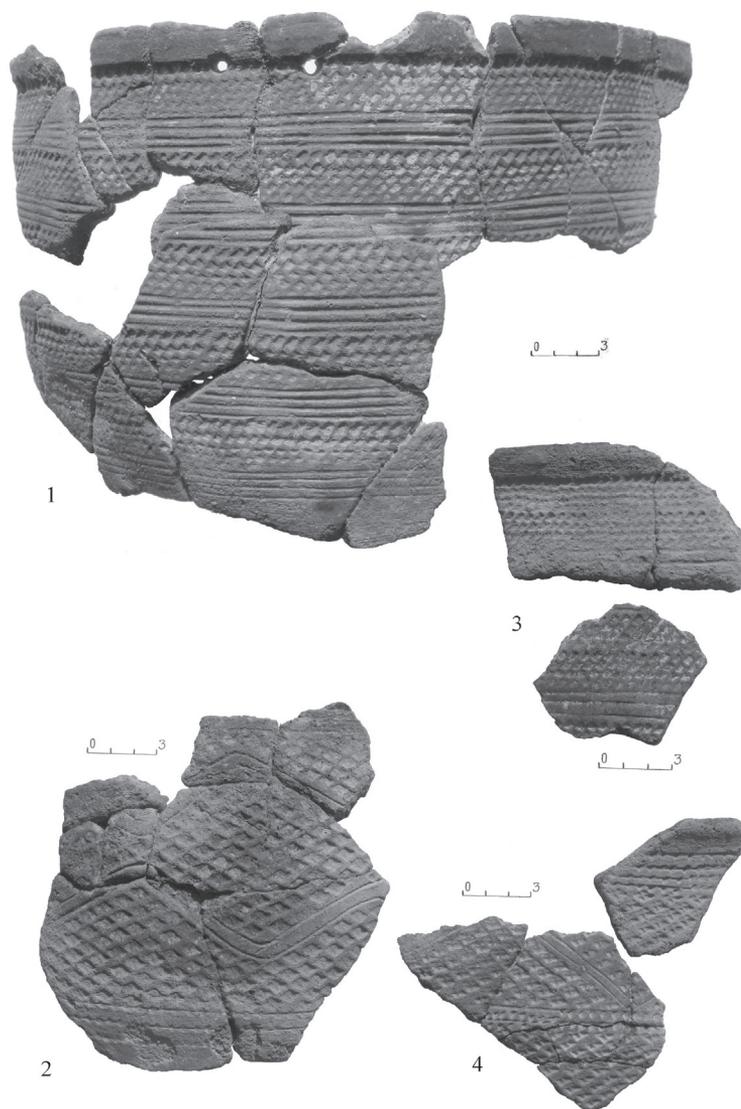

Рис. 5. Орлиный Ключ. Слой 5. Керамика орлиноклювского типа.

Fig. 5. Orlyniy Klyuch, layer 5, pottery of the Orlyniy Klyuv type.

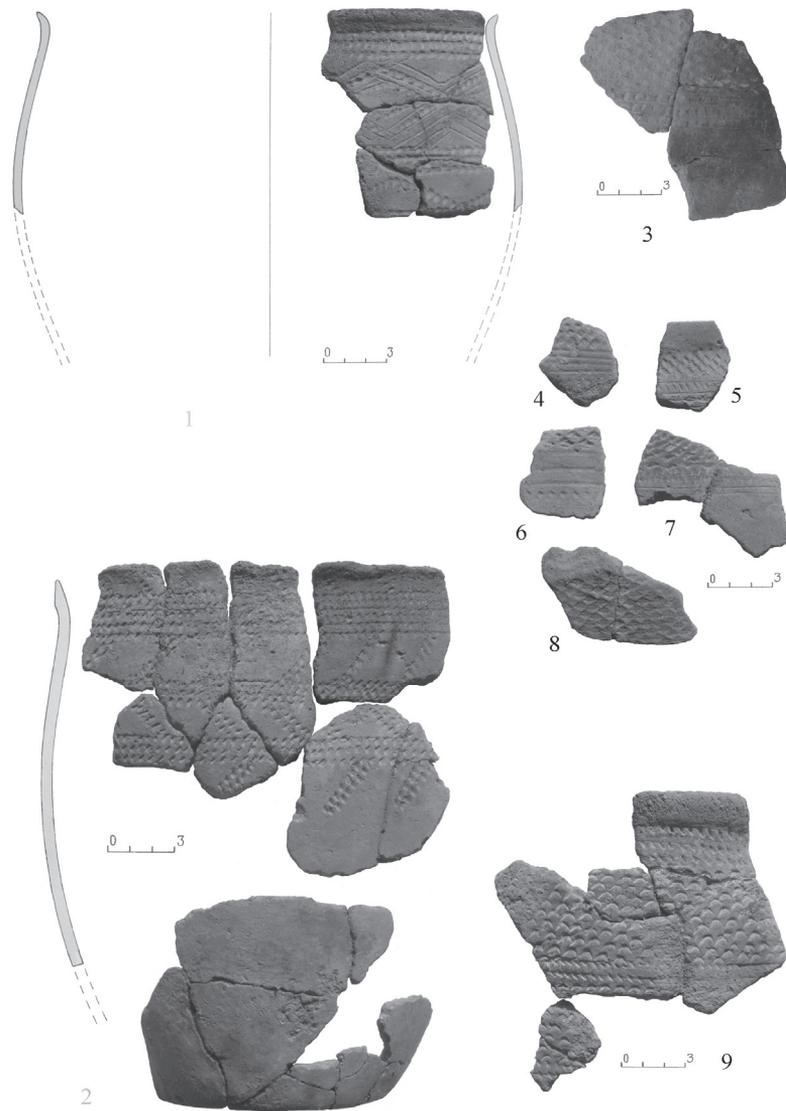

Рис. 6. Орлиный Ключ. Керамика из слоев 4 (1, 3, 4, 7) и 5 (2, 5, 6, 8, 9).

Fig. 6. Orlynyy Klyuch, pottery from layers 4 (1, 3, 4, 7) and 5 (2, 5, 6, 8, 9).

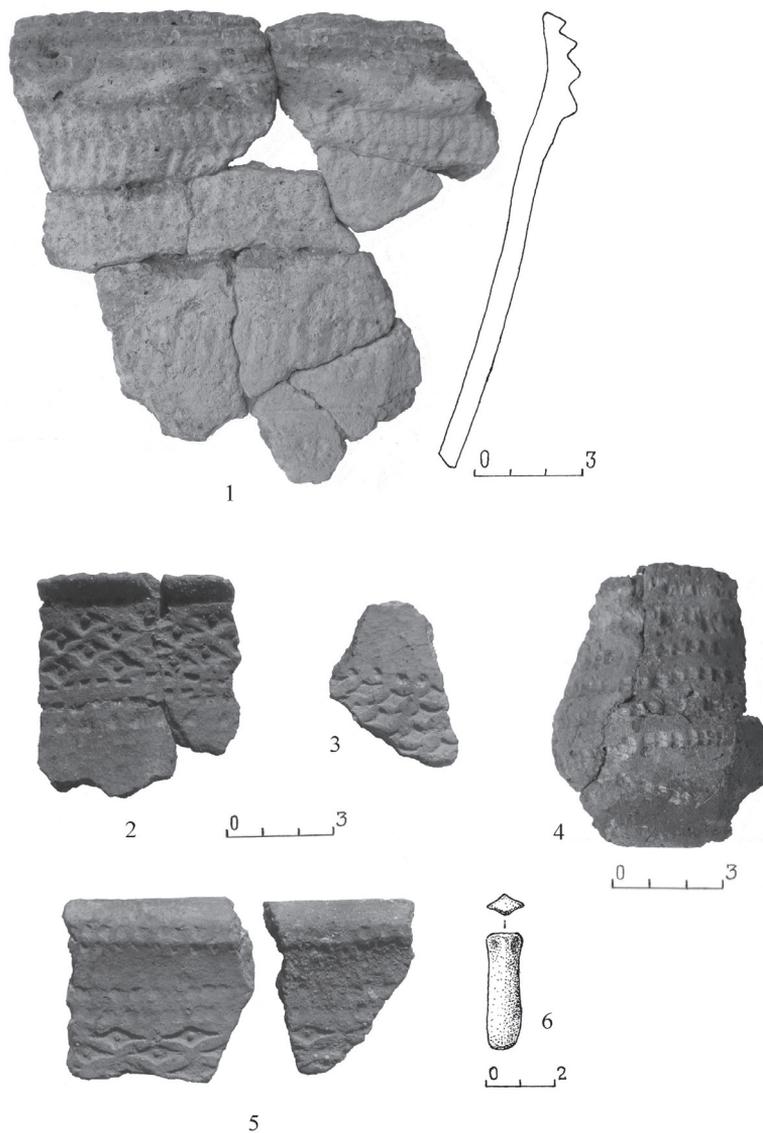

Рис. 7. Орлиный Ключ. Керамика из слоя 3 (5); керамика и глиняный штамп из слоя 4 (1–4, 6).

Fig. 7. Pottery from layer 3 (5); pottery and clay stamp from layer 4 (1–4, 6).

пять проколов с плечиками (рис. 8: 4), шесть концевых скребков (рис. 8: 5; 9: 2), три угловых резца, одно острие-скребок (рис. 9: 1), один обломок двусторонне ретушированного вкладыша, шесть пластинок и две микропластинки с краевой ретушью. Из пластинчатых отщепов изготовлены два ножа с приостряющей ретушью и один скобель. Из отщепов изготовлены три проколки с плечиками и 11 отщепов с краевой приостряющей ретушью. Имеется также характерное сверло ромбовидной формы в плане и в сечении (рис. 9: 5).

Шлифованные изделия представлены шестью односторонне выпуклыми теслами (рис. 8: 1, 3; 9: 6) и долотами (рис. 8: 2; 9: 3), двумя обломками шлифованных орудий и бусиной в форме круглой таблетки. Имеется также две обколотые заготовки тесел. Кроме того, найден обломок обожженного в костре вкладышевого костяного орудия, вероятно, наконечника дротика или копья.

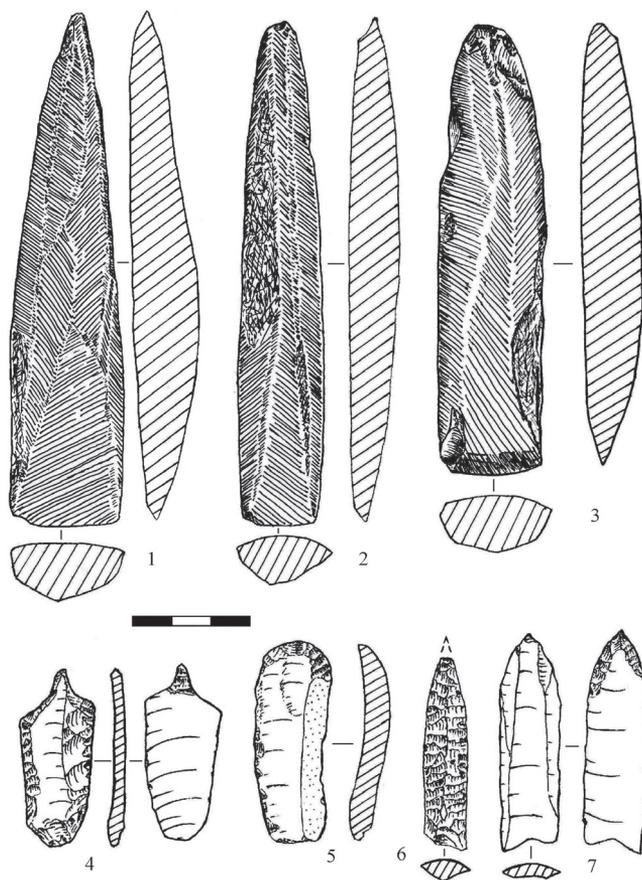

Рис. 8. Орлиный Ключ. Слой 5. Изделия из камня.

Fig. 8. Orlynyi Klyuch, layer 5, stone artifacts.

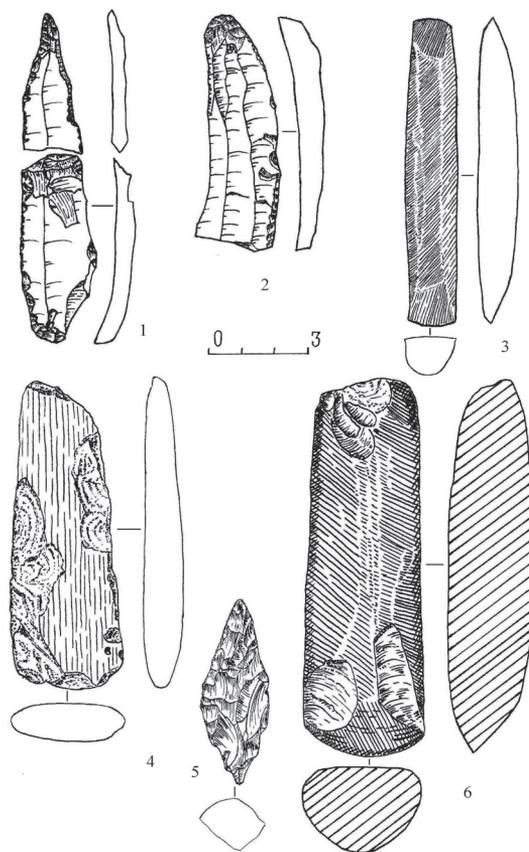

Рис. 9. Орлиный ключ. Каменные изделия из слоя 5 (1–3, 5, 6) и кровли слоя 4 (4).

Fig. 9. Stone artifacts from layer 5 (1–3, 5, 6) and from the upper part of layer 4 (4).

Описанный набор орудий из камня типичен для раннего этапа среднего неолита в Приморье и Приамурье.

Изделия из глины. Коллекция изделий из глины насчитывает 1252 предмета, в том числе два штампа в виде ромба со слегка вогнутыми краями (рис. 7: 6), одно пряслице уплощенно-конической формы (типа широкополой «шляпы китайца») без орнамента и 1249 керамических черепков разной величины. Среди последних имеется 79 фрагментов венчиков, 73 фрагмента доньшек, 384 орнаментированных фрагмента тулова и 643 фрагмента без орнамента. Количественно мелкие фрагменты преобладают — около 80 %. Но если за основу подсчета взять площадь поверхности всех черепков, то картина получается обратная: на крупные и средние фрагменты приходится до 90 % всей площади поверхности черепков.

Керамика из жилища представлена двумя технологическими классами, равноценными в количественном отношении: 1) керамика с отощителем из песка и дресвы — 1179 экземпляров; 2) керамика с отощителем из ракушки с добавлением шамота — 70 экземпляров. В остальном технология изготовления сосудов была единой. Емкости формировались методом ленточно-кольцевого налета. Первая лента крепилась с внешней стороны лепешки дна. Сосуды заглаживались и покрывались слоем тонкодисперсной глины. Обжиг сосудов костровой с применением дымления. Все черепки в изломе черного цвета.

Керамика первого класса представлена семью развалами сосудов (в том числе две чашки для питья), позволяющими полностью восстановить форму сосудов, и пятью крупными фрагментами других сосудов. Кроме того, 39 мелких орнаментированных черепков принадлежат еще 7–8 индивидуальным сосудам. Черепки сосудов плотные, звонкие. Толщина большинства черепков 5–6 мм. Во время мытья черепков обмазка из глины смывается, обнажая их шероховатую поверхность. Хорошо виден состав отощителя: разнозернистый песок и дресва. Диаметр гранул дресвы колеблется в основном от 0,3 мм до 1 мм. Но нередко встречаются гранулы диаметром 2–3 мм.

В зависимости от размеров, сосуды коллекции распределены по трем категориям: большие, средние и маленькие. Диаметр венчиков крупных сосудов колеблется от 25,8 см до 42 см; максимальный диаметр тулова превышает диаметр венчика на 2–5 см; высота сосудов равна максимальному диаметру или превышает его на 1,5–2,5 см, диаметр донышек 12–13 см. Диаметр венчиков средних сосудов — 22–24 см; максимальный диаметр тулова превышает диаметр венчика на 2–3 см; высота равна максимальному диаметру или превышает его на 1–2 см; диаметр донышек — 9 см. Диаметр венчиков двух маленьких сосудов 4 и 5 см. Первый из них — полузакрытая чашка: максимальный диаметр тулова — 5 см, диаметр донышка — 2 см, высота — 3,5 см. Второй — полузакрытая чашка с высокой прямой шейкой (рис. 7: 4). Максимальный диаметр тулова — 6,4 см, диаметр донышка — 4 см, высота сосуда — 7,2 см, высота шейки — 2,4 см. Предполагается устойчивая связь между размерами сосудов и их функциональным назначением.

Форма крупных и средних сосудов одинакова — это слабопрофилированные, усеченные овоиды с приостренным прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, шейкой-перехватом, максимальным расширением тулова выше середины и узким донышком. Эти сосуды можно отнести к разряду полузакрытых форм, поскольку максимальный диаметр тулова сосудов всегда превышает минимальный диаметр сосудов по шейке-перехвату венчика. В орнаментации средние сосуды (рис. 6: 1, 2) отличаются более разреженными композициями от композиций со сплошным заполнением орнаментальных зон у больших сосудов (рис. 4: 1, 2; 5: 1–4).

Применялось два способа нанесения орнамента: тиснение (штамп) и процерчивание. Инструменты для нанесения орнамента: птичья кость, глиняный штамп и лопатка, вероятно, тоже глиняная. С помощью наклонных оттисков птичьей кости наносился орнамент в виде скобок (рис. 6: 9). Такой орнамент мог имитировать рыбу чешую (рис. 4: 1).

Рабочий край лопатки может иметь разную форму: прямой, волнистый, округлый. Но в данной коллекции использовалась только лопатка с округлым

рабочим краем, уплощенно-линзовидным в сечении. Одной и той же лопаткой осуществлялось прочерчивание и тиснение. В зависимости от угла наклона лопатки оттиски имеют разную форму: линзовидную, асимметрично-линзовидную, полулунную, неправильно-овальную и даже округлую (рис. 4: 1, 2; 6: 1, 2). На сосуде с кв. А'1–В'2 (рис. 4: 1) такой лопаткой прочерчена сеть ромбов по сплошному полю оттисков скобок. Затем по этим линиям той же лопаткой, отступающей под крутым наклоном, нанесены линзовидные оттиски. Той же лопаткой прочерчена горизонтальная линия, разделяющая зону скобок в сетке прочерченных ромбов и зону ромбического штампа. Слабо намеченная шейка выделена пояском из двух рядов косо поставленных оттисков линзовидных ромбов. Граница между шейкой и плечиками подчеркнута пояском линзовидно-асимметричных оттисков все той же лопатки, отступающей под крутым наклоном.

На сосуде с кв. А'2 (рис. 4: 2) зона едва намеченной шейки сосуда выделена орнаментальной композицией из пяти прочерченных линий и трех поясков округлых оттисков между ними, чередующихся с двумя узкими гладкими лентами. Слепки оттисков свидетельствуют о том, что все операции выполнены одной и той же лопаткой с округлым краем. Горизонтальные линии, ширина которых колеблется от 1 до 1,5 мм, прочерчены лопаткой под крутым наклоном (около 80°) к поверхности. Те же пять прочерченных горизонтальных линий завершают орнаментальную композицию в зоне экватора сосуда. Наконец, все той же лопаткой выполнены зерновидные оттиски на срезах венчиков обоих рассматриваемых сосудов.

Штампы, изготовлявшиеся из глины, представлены двумя основными видами: штамп с двумя, четырьмя и пятью прямоугольными зубцами (рис. 5: 1, 3; 7: 4) и однозубый ромбический штамп (рис. 7: 6). Ромб с крестом — единственная форма однозубого штампа в коллекции. Треугольников, кружков и т. п. в коллекции нет. Зато по форме и пропорциям ромбы варьируют бесконечно (рис. 4: 1, 2; 5: 2, 4; 6: 4, 6, 8). Благодаря сплошному заполнению орнаментальных зон ромбами возникает узор «амурская плетенка» (рис. 4: 2; 5: 2, 4; 7: 2, 5). На двух сосудах мотив «амурской плетенки» сочетается с мотивом горизонтального зигзага из двух прочерченных линий (рис. 5: 2, 4).

Из пяти больших сосудов, орнаментальная композиция которых выявлена, два украшены только оттисками многозубчатого штампа в сочетании с прочерченными горизонтальными линиями. На одном сосуде пять поясков наклонного пятизубого штампа чередуются с пятью поясами из пяти прочерченных линий (рис. 5: 1). На другом сосуде сдвоенные ленты наклонного четырехзубого штампа чередуются с поясами из трех прочерченных полос (рис. 5: 3).

Большие сосуды из полузамкнутого комплекса жилища положены в основу выделения керамики орлиноклювского типа (Лынша и др. 2011: 203). Сосуд орлиноклювского типа — это большой слабопрофилированный усеченный овоид с широким устьем, приостренным прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, отделенным от плечиков шейкой-перехватом, с максимальным расширением тулова выше середины сосуда и узким плоским дном. Орнаментальную композицию отличает устойчивое зональное распределение элементов декора с выделением особым набором элементов зоны венчика, зоны шейки и зоны плечиков с частью тулова до середины сосуда. Под срезом венчика

с оттисками лопатки располагается гладкий пояс шириной около 1,5 см. Едва намеченная в профиле шейка обычно орнаментально выделяется своим особым сочетанием прочерченных горизонтальных линий, поясков из разреженных оттисков отступающей лопатки и оттисков ромбического штампа (рис. 4: 1, 2; 5: 2, 4; 6: 9). Зона плечиков с частью тулова до середины сосуда декорируется сплошным полем из ромбов, зубчатого штампа, или скобок. Ведущий мотив этой зоны — сплошное поле ромбов. Важную роль играют мотивы зигзага и «рыбьей чешуи». Композиция завершается бордюром, обычно из 3–5 прочерченных горизонтальных линий (рис. 4: 2; 5: 1, 2). Но возможно и другое сочетание элементов, как у сосуда с кв. А'1–В'2 (рис. 4: 1). Здесь бордюр сочетает три элемента: горизонтальную прочерченную линию, пояс наклонных оттисков зубчатого штампа и треугольные фестоны из оттисков ромба с крестом.

Шейка-перехват не выделена особым узором у сосудов, орнаментальные композиции которых образованы чередованием поясков зубчатого штампа и прочерченных линий. Отличие орнаментальной композиции этих сосудов (монотонный мотив чередования поясков наклонных оттисков зубчатого штампа с прочерченными горизонтальными линиями) от орнаментальной композиции описанных выше сосудов представляется достаточным для выделения двух подтипов керамики орлиноклювского типа: А и Б. За различиями этих подтипов могут скрываться культурно-значимые различия.

В пользу того, что оба подтипа сосудов принадлежат одному типу, свидетельствует черепок, в котором оттиски наклонного зубчатого штампа сочетаются с оттисками ромбов (рис. 6: 6). Быть может, еще важнее обратить внимание на зубчатый штамп сосуда с кв. А'1–В'2 (рис. 4: 1). Торцевая поверхность зубцов этого штампа имеет форму квадрата с крестом. Благодаря наклону оттисков штампа эти оттиски в композиции воспринимаются как ромбы — оригинальное сочетание многозубчатого штампа и ромба с крестом. Для сосудов орлиноклювского типа характерен еще один специфический элемент декора — просверленные конические отверстия, которые, как правило, располагаются сразу под венцом (рис. 4: 1, 2; 5: 1), но встречаются и на плечиках сосуда (рис. 4: 2). Каково назначение этих отверстий, пока не ясно. Но вряд ли они просверлены ради дополнения к орнаментальной композиции.

Категорию средних сосудов нельзя объединять в один тип с категорией больших сосудов, поскольку различия этих категорий функциональные. Например, в пределах одной горшковидной формы сосудов у славян большие горшки с узким дном являются корчагами для хранения и транспортировки зерна и жидкостей, приготовления браги и медовухи, варки смолы и т. д.; средние — это собственно горшки для приготовления каши и щей; горшки поменьше — это кринки для воды и молока, а совсем маленькие — кубки для питья. Хотя средние сосуды явно обнаруживают стилистическое единство с большими сосудами в форме и принципах орнаментации, в отборе и сочетаниях элементов в орнаментальных композициях проявляются типологические различия.

У средних сосудов проявляется та же зональность орнаментальной композиции, что и у больших. Различимы, хотя и не столь явно, орнаментальные зоны венчика, шейки и плечиков с частью тулова. На черепках толщиной 4–5 мм встречаются сочетания тех же элементов: тонкие прочерченные линии, мелкозубчатый штамп и мелкие оттиски ромба с крестом (рис. 6: 4–7). Одна-

ко два наиболее сохранившихся средних сосуда отличаются разреженностью орнаментальной композиции. В качестве инструмента для нанесения декора используется только лопатка с овальным рабочим краем. На одном сосуде пояски отступающей лопатки чередуются с мотивом горизонтального зигзага, выполненного прочерчиванием и оттисками отступающей лопатки (рис. 6: 1). На другом сосуде глубокие асимметрично-линзовидные оттиски отступающей лопатки образуют на плечиках и тулове композицию из чередующихся строенных горизонтальных поясков и косых сдвоенных рядов оттисков лопатки, попеременно меняющих направление наклона в каждой зоне. Венчик выделен пояском из косых одинарных рядов оттисков лопатки, шейка — широкой лентой из пяти горизонтальных поясков отступающей лопатки. Композиция завершается фестонами из тех же косых сдвоенных рядов оттисков лопатки (рис. 6: 7). Здесь намечается выделение нового типа сосудов. Однако коллекция пока слишком мала, чтобы надежно выявить характерные сочетания в орнаментальной композиции нового типа.

Два фрагмента прямого, утолщенного сверху венчика с округлым срезом и подвенечным поясом амурской плетенки из ромбов с вогнутыми сторонами и «точкой» внутри, в обрамлении из горизонтальных поясков отступающей лопатки (рис. 7: 5), найденных в нижней части слоя 4, однотипны с черепками из слоя 3 и представляют собой вариацию классического руднинского типа. Другой фрагмент, с подвенечным поясом амурской плетенки в обрамлении пунктирообразных оттисков штампа и отогнутым наружу венчиком с оттисками прямоугольного штампа по срезу (рис. 7: 2), представляет еще одну вариацию керамики руднинского типа.

92 % керамики второго класса (около 225 см² из примерно 300 см² керамической поверхности) представлены всего одним сосудом, обнаруженным в кв. А3 (рис. 7: 1). Это два больших фрагмента венца с частью тулова (один — примерно 13 × 11 см и другой — 9 × 8 см), которые распались на семь меньших фрагментов при извлечении из плотного отвердевшего суглинка. В том же месте был найден еще ряд мелких черепков, распавшихся на 53 более мелких при расчистке и извлечении из суглинка. Размеры большинства из них варьируют от 1,5 до 0,5 см в поперечнике. Еще 10 мелких черепков из кв. А3 и С4 принадлежат двум другим сосудам.

Тип этого сосуда чужероден по отношению к основному керамическому комплексу жилища. Он отличается и по составу теста, и по форме, и по орнаментации. Формовочная масса включает глину, толченую ракушку и тонко толченый шамот, тонкодисперсные крупы которого хорошо различимы лишь после трех- и четырехкратного увеличения под лупой. Это открытый сосуд усечено-конической формы с широким устьем и дугообразным венчиком, слегка загнутым внутрь. Венчик усилен широким низким налепом с тремя ложными валиками, возникшими в результате глубокого тиснения непрерывно отступающей остроугольной лопаткой. Под венчиком два ряда узких прямоугольных оттисков однозубого штампа: в верхнем ряду — с наклоном влево, в нижнем — с легким наклоном вправо. На тулове сосуда пояски разреженных оттисков того же штампа с наклоном вправо чередуются с едва различимыми прочерченными линиями в широких гладких поясах. Описанный сосуд можно отнести к шивелазскому типу (Лынша и др. 2011: 204).

Дискуссия о выделении орлиноклювской культуры и ее месте

Идея о том, что ситуация в долине Среднего Имана весьма благоприятна для применения клейновской «системной стратегии нисхождения» и априорно-интуитивного выделения культур, зародилась в ходе первых стационарных раскопок многослойных поселений Шивелаза и Дальний Кут-15 в 1996–98 годах. Первые памятники эпох неолита и палеометалла (например, Заячья Протока, позднее переименованная в Рощино-6, и др.) в долине Среднего Имана были открыты в 1987–88 гг. выпускниками Уссурийского пединститута А. В. Мерзляковым (1989) и В. Н. Тарасенко, получившими полевую археологическую подготовку в экспедициях А. М. Кузнецова. В 1989 г. Н. А. Ключевым, Н. Н. Крадиным и Ю. Никитиным были открыты многослойные поселения Шивелаза и Дальний Кут-15, а А. В. Мерзляковым и В. Н. Тарасенко — Мельничное-1. В 1990 г. В. А. Лынша открыл на р. Арму стоянку Алмазинку, раскопанную им в 1991–92 гг. А. В. Мерзляков и В. Н. Тарасенко в том же 1990 г. открыли стоянку Микула на р. Арму, а также стоянки Талингуза и Чимчигуза на р. Дальняя. В 1999 г. В. А. Лыншей и В. Н. Тарасенко были открыты поселения Далекая (Фынзыгоу) и Орлиный Ключ. С раскопок на поселениях Рощино-6 в 1997 г. и Дальний Кут-15 в 1997–98 гг. начались регулярные стационарные раскопки многослойных поселений в долине Среднего Имана.

До начала раскопок об археологических культурах эпох неолита и палеометалла в долине Среднего Имана ничего не было известно. До ближайшего археологически слабо изученного района р. Рудной — 180–200 км через систему малодоступных горных перевалов. По удобной водной артерии Иман — Уссури — Амур до границ археологически сравнительно хорошо изученного Нижнего Приамурья — 500 км, до границ пока менее изученного Южного Приханкайя — более 300 км. Изучаемые памятники концентрируются в долине Среднего Имана, образуя нуклеарный участок протяженностью 170 км, ограниченный археологически неизученной зоной в несколько сот километров. Между тем репрезентативные и достаточно четко структурированные материалы полузамкнутых комплексов из жилищ и пятен активности вокруг кострищ на многослойных поселениях позволяли легко улавливать культурные различия и строить локальную колонную секвенцию нуклеарного района. Контуры колонной секвенции впервые были намечены в 2003 г. (Лынша 2003). По мере накопления новых данных, особенно серии радиоуглеродных дат, позволившей заложить основы надежной абсолютной хронологии, была представлена более детализированная колонная секвенция неолитических культур в долине Имана: кремневая индустрия Алмазинки — 6570–6100 гг. до н. э.; орлиноклювская культура — 6370–5750 гг. до н. э.; шивелазская культура — 4500–3500 гг. до н.э.; иманская культура — 2850–1780 гг. до н.э. и алмазинская культура — 2570–1520 гг. до н. э. Шивелазская АК собственных радиоуглеродных дат не имеет. Стратиграфически эта культура занимает промежуточную позицию между орлиноклювской и иманской культурами. Предварительная датировка этой культуры основана на экстраполяции дат. Выделена также дальнекутская палеометаллическая культура — 900–400 гг. до н. э. (Лынша и др. 2011; Lynsha 2012).

Основные упреки наших оппонентов сводятся к тому, что мы не замечаем или намеренно игнорируем сходство выявленных нами культур с уже известными

культурами Нижнего Приамурья и Южного Приморья. Это не так. Ведь без сопоставления вновь найденных памятников с уже изученными памятниками Приморья и Приамурья (и, по мере доступности информации, Северо-Восточного Китая) невозможно решать вопрос о месте вновь найденных памятников в неолите этого региона. Сравнение и поиск аналогий — естественная и необходимая составная часть процедуры археологического исследования. Мы, конечно же, обращались к поиску аналогий и отмечали сходство выделенных археологических культур с уже известными культурами Приморья и Нижнего Приамурья в тех случаях, когда сходство действительно есть. Так, например, отмечалось сходство керамики иманского типа с керамикой вознесенского типа в Нижнем Приамурье (Лынша 2003: 147; Лынша и др. 2011: 205). Первоначально мы отрицали сходство керамики шивелазского типа с керамикой бойсманского типа, поскольку в публикациях вся разнотипная керамика с поселений Бойсмана-1 и Бойсмана-2 называется бойсманской и больше подчеркивается ее единство, нежели различия (Попов и др. 1997: 29–32, 35, 80; Вострецов 1998: 132–134, особенно с. 135–136). О. Л. Морева было выделено пять этапов развития бойсманской культуры, причем для каждого этапа выделены свои особые «культурно-хронологические типы» керамики (Морева 2003: 172–175). В заключительных выводах ее диссертации особо подчеркивается, что «один тип керамики принадлежит только одному этапу развития культуры» и что орнаментальные изменения «от этапа к этапу фиксируются скачкообразно» (Морева 2005). Но какой из этих типов следует считать собственно бойсманским? Лишь в ходе дискуссии на круглом столе в ноябре 2013 г. О. Л. Морева прояснила ситуацию: речь идет о «культурно-хронологическом типе второго этапа бойсманской культуры». Вот такой неудобный термин. Но суть, конечно, не в условном ярлычке. После того как О. Л. Морева представила нам таблицы рисунков сосудов названного типа из своей диссертации, ее выводы о сходстве этого типа с керамикой шивелазского типа мы признаем убедительными (см. Морева 2005: рис. 44; 45: 2, 3, 5, 6; 46). Однако есть и различия (прежде всего, в размерах и форме сосудов, а также в деталях декора), которым мы придаем большее значение. Кроме того, мы по-прежнему отрицаем типологическое сходство керамики шивелазского типа с керамикой малышевского типа. В то же время типологическое сходство керамики малышевского типа с некоторыми сосудами «третьего этапа бойсманской культуры» очевидно.

Что касается сосудов орлиноклювского типа, то их сходство в самом общем виде с некоторыми сосудами веткинского типа, с керамикой «руднинского круга культур» (Лынша и др. 2011: 204) и с керамикой культуры Синькайлю в Приханкайе (Lynsha 2012: 173) мы отмечали изначально. Но и здесь имеются типологические различия, которым мы придаем большее значение, чем сходствам. Здесь продолжается старый спор о ранге выявляемых сходств и различий. Учитывая специфику археологических источников, мы склонны изначально придавать различиям большее значение. Археологическая культура — это мертвая культура, компоненты которой претерпели серьезные постдепозиционные изменения. В мертвых археологических культурах, по сравнению с живыми этнографическими культурами, многие культурно-значимые различия утрачены. Поэтому важно учесть любые различия, если они проявляются. Нет опасности в «излишнем» подчеркивании различий. Если позже выяснится,

что выявленные типологические различия оказались малозначимыми, несущественными — не работают, не выявляют культурно значимых различий, — то объединить такие типы и культуры будет нетрудно. Гораздо больше труда и времени потребуется на то, чтобы обоснованно разделить то, что долго и без разбору сгребалось в одну кучу, как это случилось с зайсановской культурой в Приморье. Теперь каждый исследователь сам для себя решает, какой именно тип керамики и какой памятник считать для этой культуры эталонным.

Итак, если различия заметно проявляются, лучше выделить новую археологическую культуру. Выделение АК — это не конечная цель исследования, а необходимое звено процедуры археологического исследования. К тому же, АК, как и типы артефактов — это не только фрагменты изучаемой реальности, но и базовые понятия, главные инструменты археологического исследования. Мы стремимся иметь такие инструменты, которые лучше улавливают изменчивость культуры. Выделенные типы артефактов и АК должны быть «чувствительными» к изменчивости культуры.

Так, например, по результатам разведочных работ на памятнике Сергеевка-1, открытым В. А. Лыншей в 1988 г., был выделен новый тип керамики — керамика сергеевского типа. Это полузакрытые сосуды, у которых «диаметр шейки несколько меньше диаметра тулова; тулово слегка выпуклое, шейка слабо выражена, доньшко плоское. Орнамент зональный — украшается шейка и плечики. Композиции орнамента устойчивы. Сразу под слегка отогнутым венчиком обычно идет поясок двойных галочек, затем — пояски мелкозубчатого штампа», которые «часто... чередуются с поясками сдвоенных галочек или скобок. Один сосуд был украшен лесенками скобок, спускающихся с венчика на плечики» (Лынша 1989: 42, 43).

Керамика сергеевского типа ярко представлена в полузамкнутом комплексе жилища Сергеевки-1, раскопанного А. Н. Поповым и С. В. Батаршевым в 2004 г. (Батаршев 2009: рис. 23–25). Богатая керамическая коллекция из жилища позволяла дополнить и углубить характеристики керамики сергеевского типа, что и было сделано С. В. Батаршевым. Однако характеристика сергеевского типа была расширена, на наш взгляд, неправомерно, за счет включения черепков другого типа, по орнаменту (подвенечный пояс из оттисков ромбов и косых оттисков мелкозубчатого штампа), но не по форме венчика и форме сосудов с линией экватора в середине и нижней трети емкостей, близких к руднинскому типу (Батаршев 2009: 101, рис. 26 и 27).

Сосуды именно этого типа, наряду с другими, обнаружены в позднеруднинском жилище на многослойном поселении Шекляево-7 в Центральном Приморье (Клюев и др. 2003) и представлены С. В. Батаршевым в его монографии как керамика сергеевского типа (Батаршев 2009: рис. 48). Именно эти сосуды было бы целесообразно выделить в особый тип и назвать его «шекляевским», если сосуды такого типа пока больше нигде не встречены, кроме Сергеевки и Шекляево.

После того как были раскопаны жилища на поселениях Дворянка-1 (Западное Приморье) и Новотроицкое-2 (Центральное Приморье), давшие чистые комплексы с керамикой сергеевского типа, Н. А. Клюев и А. В. Гарковик правомерно приняли их за эталон для более точного описания этого типа и выделения новой, шекляевской АК (Клюев, Гарковик 2008: 87–90). Но обоснованное

уточнение характеристик ранее выделенного сергеевского типа керамики все же не дает оснований для смены названия на «шекляевский тип».

Находка чистых комплексов артефактов в жилищах, погибших в результате пожара — самая большая удача для археолога. Надежная типология артефактов разрабатывается на основе именно таких несмешанных комплексов. Пытаюсь оспорить обоснованность выделения шекляевской АК, С. В. Батаршев, на наш взгляд, напрасно пытается намекнуть на некоторую ущербность таких комплексов. Из-за кратковременности их существования в них якобы отсутствуют компоненты, например, черепки с оттисками ромбов, треугольников, веревки и налепными валиками, которые там должны быть (Батаршев 2009: 108–110). Однако при этом С. В. Батаршев подчеркивает исключительное значение керамического комплекса жилища № 9 на Рудной Пристани для обоснования дискретности руднинского и сергеевского типов керамики (Батаршев 2009: 75, 76). В этом жилище действительно обнаружена керамика сергеевского типа (Батаршев 2009: рис. 42: 3) и сергеевские орнаментальные композиции, но при этом у одного сосуда его форма и форма венчика (Батаршев 2009: рис. 42: 1), а у другого форма венчика — руднинские. И уже совсем неправомерно С. В. Батаршев относит к сергеевскому типу вполне руднинскую керамику Устиновки-8 (Батаршев 2009: рис. 43: 1–8).

Иногда и вовсе доходит до казусов. Недавно В. Е. Медведев и И. В. Филатова обнаружили керамику сергеевского типа (Медведев, Филатова 2009: 170, рис. 1: 2) в неолите Нижнего Приамурья! Но это не классическая керамика сергеевского типа, а именно тот самый ее руднинский компонент, который Н. А. Клюев и А. В. Гарковик правомерно исключили из характеристики этого типа. Ссылаясь на работу С. В. Батаршева, О. Л. Моревой и А. Н. Попова (Батаршев и др. 2003), В. Е. Медведев и И. В. Филатова (2009: рис. 2: 2, 5) отнесли к «сергеевским» типично руднинские черепки с утолщенным кверху венчиком и прямым или округлым верхом. «Нечисто выделенный» тип не работает, а только сбивает с толку.

Между тем, типологические аргументы для очистки сергеевского типа, по С. В. Батаршеву, можно найти в самом керамическом комплексе Сергеевки-1. Черепки каждого индивидуального сосуда мы вполне правомерно можем приравнять к закрытому комплексу и проверить, есть ли случаи сопряжения в таких комплексах «классического сергеевского орнамента» с «позднеруднинским орнаментом». Судя по таблицам рисунков (Батаршев 2009: рис. 19–29), ни одного такого случая нет. Зато есть основания для выделения нового позднеруднинского подтипа керамики.

В настоящее время в рамках кондонско-руднинской археологической провинции более или менее четко и обоснованно выделено пять типов керамики. В Нижнем Приамурье «на уровне культурных керамических типов с различиями в хронологии» выделены два типа: раннекондонский и позднекондонский (Шевкомуд 2003: 214–217). На севере и северо-востоке Приморья тоже два типа керамики: руднинский, по крайней мере, с тремя подтипами (Окладников 1959: 47, рис. 10 и 11; Окладников, Деревянко 1973: 173; Андреева 1991: 130–135, рис. 69–74, 76; Дьяков 1992: 90–94) и орлиноклювский с двумя подтипами. На юго-востоке Приморья пока только один веткинский тип керамики

(Морева и др. 2008; Батаршев и др. 2010: 106–111). В ближайшее время можно ожидать выделения новых типов и подтипов кондонско-руднинской керамики.

Сергеевский тип керамики является ведущим типом шекляевской АК. В чистом проявлении эта культура не может быть отнесена к культурам кондонско-руднинского круга. Но сочетание керамики сергеевского типа с керамикой руднинского типа в некоторых полузамкнутых комплексах (жилище № 9 Рудной Пристани и жилище Сергеевки-1) свидетельствует о каких-то контактах носителей этих культур.

Заключение

Исходя из сказанного, мы хотели бы выделить главное в нашей дискуссии. Если различия проявляются, им следует уделять особое внимание. Если различий достаточно для выделения нового типа той же керамики, его необходимо выделить. Чем «чище» выделены типы с опорой на полузамкнутые комплексы жилищ, тем лучше они работают.

Если проявляются различия, достаточные для выделения археологической культуры, ее необходимо выделить. Первоначально новая АК схватывается априорно-интуитивно на основе разрозненных признаков. Но обоснование выделения новой АК, которое обязательно включает результаты ее сопоставления с территориально и хронологически смежными АК, должно осуществляться уже не на уровне пусть даже скрупулезного сопоставления отдельных признаков, описанных в дескриптивном классификаторе, а на уровне четко выделенных типов каменных орудий и типов керамики (если нет возможности учесть типы жилищ, погребений и т. п.), в которых уже учтена технология, форма и размеры сосудов, способы выполнения и особенности орнаментальных композиций.

Именно так выделена орлиноклювская АК. Ее ведущим типом является керамика орлиноклювского типа. Однотипных аналогий керамике этого типа в Приморье нет. Орлиноклювскому подтипу Б стилистически ближе всего отдельные черепки из поселения Устиновка-8 в долине р. Зеркальной на северо-востоке Приморья (Крупянка 2008: рис. 8: 1; 7: 5, 7). Орлиноклювскому подтипу А очень близки орнаментальные мотивы ромба с крестом и треугольные фестоны из ромбов в керамике веткинского типа (Морева и др. 2008: рис. 3: 1; 8; 9). Но в целом полузакрытые веткинские сосуды средних размеров, часто бочковидной или усеченно-овоидной формы без горловины, или низкие банки с переломом по низкой линии экватора близ дна, как по форме сосудов, так и по характеру орнаментальных композиций чужды керамике орлиноклювского типа.

По форме сосудов, способам орнаментации и орнаментальным композициям керамике орлиноклювского типа ближе всего керамика позднекондонского типа, особенно сосуды с «амурской плетенкой» и сплошным декором в виде рыбьей чешуи на тулове. Но бордюрные композиции на венчике сосудов позднекондонского типа «в виде узкой прочерченной и (или) наклепной полосы, расчеченной гребенчатыми или иными оттисками» (Шевкомуд 2009: 21, рис. 6: 1–9) заметно отличают их от керамики орлиноклювского типа. К тому же керамика позднекондонского типа, датируемая в пределах 5310–5070 гг. до н. э. (Шевкомуд 2009: 22), на 1000 лет моложе орлиноклювской, которая датируется в пределах 6370–5750 гг. до н. э.

Эти выводы не являются окончательными. Они открыты для критики со стороны наших коллег, которая весьма желательна, так как она позволяет устранить недостатки, учесть то, что было упущено из виду, и заново оценить то, что первоначально показалось маловажным.

Литература

- Андреева Ж. В. (ред.). 1991. Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М.: Наука.
- Батаршев С. В. 2009. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток: ООО «Рея».
- Батаршев С. В., Дорофеева Н. А., Морева О. Л. 2010. Пластинчатые комплексы в неолите Приморья (генезис, хронология, культурная интерпретация) // Клюев Н. А., Вострецов Ю. В. (ред.). Прикрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток: ООО «Рея», 102–156.
- Батаршев С. В., Морева О. Л., Попов А. Н. 2003. Керамический комплекс поселения Осиновка и проблема раннего неолита Приханкайской низменности // Деревянко А. П. (ред.). Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 66–72.
- Бурдонов А. В. 2007. Новое неолитическое местонахождение северного Приморья — Далёкая-1 (Фынзыгоу) // Лынша О. Б. (ред.). Проблемы отечественной истории. Ч. II. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 39–44.
- Вострецов Ю. Е. (ред.). 1998. Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: ДВО РАН.
- Дьяков В. И. 1992. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток: Дальнаука.
- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ.
- Клейн Л. С. 2012. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Кн. 1. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та.
- Клюев Н. А., Гарковик А. В. 2002. Особенности керамических комплексов стоянки Дальний Кут 15 в Приморье (по результатам исследований 2000–2001 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во Амурского ун-та, 52–60.
- Клюев Н. А., Яншина О. В., Кононенко Н. А. Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР 4, 5–15.
- Крупянка А. А. 2008. Долина реки Зеркальной: вверх по течению // Попов А. Н. (ред.). Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 98–114.
- Лынша В. А. 1989. Сергеевка-1 — новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 41–43.
- Лынша В. А. 2002. Неолит и палеометалл иманской долины в свете новейших раскопок // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во Амурского ун-та, 38–43.
- Лынша В. А. 2003. Колонная секвенция в неолите и палеометалле иманской долины // Константинов М. В. (ред.). Человек, среда, время. Материалы научных семинаров полевого лагеря «Студёное». Чита: Изд-во Забайкальского пед. ун-та, 144–150.

- Лынша В. А., Жущиховская И. С.* 1996. Место стоянки Алмазинка в каменном веке Приморья в свете новых данных // Кузнецов А. М. (ред.). Приморье в древности и средневековье. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 3–17.
- Лынша В. А., Тарасенко В. Н., Кузьмин Я. В.* 2011. Новые данные по абсолютной хронологии археологических культур долины среднего Имана // Лынша В. А., Тарасенко В. Н. (ред.). Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 199–222.
- Медведев В. Е., Филатова И. В.* 2009. Неолит Нижнего Амура и Приморья: элементы сходства и различия (по материалам керамики) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 170–176.
- Мерзляков А. В.* 1989. Новые археологические памятники р. Большая Уссурка // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 46–47.
- Морева О. Л.* 2003. Относительная периодизация керамических комплексов бойсманской археологической культуры памятника Бойсмана-2 // Деревянко А. П. (ред.). Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 172–175.
- Морева О. Л.* 2005. Керамика бойсманской культуры (По материалам памятника Бойсмана-2): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Морева О. Л., Батаршев С. В., Попов А. Н.* 2008. Керамический комплекс эпохи неолита с многослойного памятника Ветка-2 (Приморье) // Попов А. Н. (ред.). Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 131–160.
- Окладников А. П.* 1959. Далекое прошлое Приморья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* 1973. Далекое прошлое Приамурья и Приморья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во.
- Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г.* 1997. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Тарасенко В. Н.* 2007. Памятники с пластинчатой индустрией в Красноармейском районе // Лынша О. Б. (ред.). Проблемы отечественной истории. Ч. II. Уссурийск: Изд-во Уссурийского пед. ин-та, 27–33.
- Шаповалов Е. Ю.* 2009. Новая группа памятников эпохи палеометалла в Северном Приморье // Россия и АТР 4, 36–40.
- Шевкомуд И. Я., Кузьмин Я. В.* 2009. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Шевкомуд И. Я. (ред.). Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: Хабаровский краевой музей, 7–46.
- Lynsha V. A.* 2012. The Ancient Pottery of the Northern Primorye and its Correlation with the Archaeological Cultures of the Northern China // Chen Shiping (ed.). The Proceedings of the 10th Meeting of the International Symposium on Ancient Ceramics. Shanghai–Jingdezhen: Shanghai Institute of Ceramics, Chinese Academy of Science, 171–174.